

Лухманова Н.А.

Не сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н.А. Л.**
Не сказки / Лухманова Н.А. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 62 с.

ISBN 978-5-519-94184-6

ISBN 978-5-519-94184-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

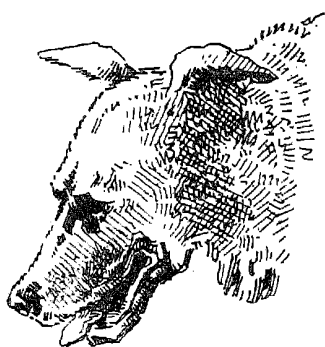
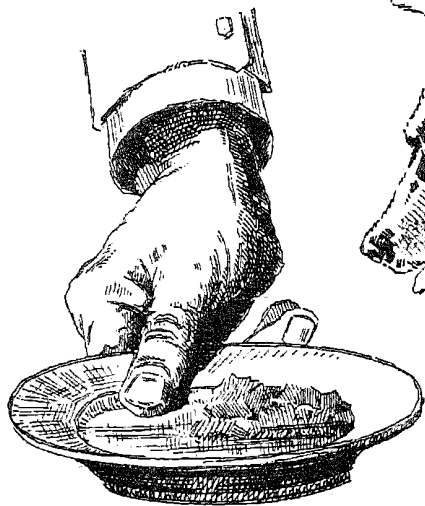

Петербургъ—большой, красивый городъ, въ немъ протекаетъ рѣка Нева. Черезъ Неву лежитъ длинный, длинный мостъ, называется онъ Николаевскимъ. На одномъ концѣ его стоитъ часовня, въ ней, за золотой дверью, виденъ образъ св. Угодника Николая. Люди, когда идутъ или ѣдутъ по этому мосту, то часто останавливаются передъ часовней, заходятъ туда и ставятъ свѣчку. Свѣчки горятъ и огоньки ихъ такъ хорошо сверкаютъ, что тотъ, кто и не остановится, крестится и говоритъ про себя: «помилуй Господи!»

Вотъ, въ одинъ день, по набережной рѣки Невы бѣжала собачка, простая такая, желтая, мохнатенькая, ушки висятъ, хвостикъ пушистый, глаза большіе, каріе, ласковые... Бѣжала она и думала: «какъ я голодна! Ахъ, какъ голодна! Нигдѣ ни корочки хлѣбца не нашла сегодня, и спать мнѣ было сегодня очень нехорошо: забралась я подъ ворота, а оттуда дворникъ выгналъ, — пошла, — говоритъ, — вонъ, бродячая!»

А собачка была бродячая... Когда она была маленькая, еще щеночкомъ, у нея былъ хозяинъ, хорошій старичекъ; она у него жила въ комнатѣ, даже иногда спала на его старомъ, кожанномъ креслѣ и была сыта, — бывало, что самъ ѣстъ, то и ей дастъ, чуть не каждымъ кусочкомъ дѣлился. Только старичекъ этотъ захворалъ и слегъ въ постель; квартирная хозяйка стала приносить ему кушать въ комнату.

Хозяйка не любила собакъ и какъ увидитъ, что старичекъ наливаетъ на особую тарелочку супу и крошитъ говядины, сейчасъ разсердится:—

«охота вамъ отъ себя отнимать и собаку кормить; выгнали бы ее на улицу, пусть сама себѣ ищетъ пищу». А старику станетъ жаль собачку, онъ съ трудомъ нагнется, подыметъ собачку къ себѣ на кровать и гладитъ ее; собачка

рада, машетъ хвостикомъ, прыгаетъ по кровати, лижетъ руки старика, а потомъ свернется клубочкомъ въ его ногахъ и спитъ.

Старичку стало хуже, позвали доктора, и тотъ велѣлъ перевезти его въ больницу. Хозяйка одѣла больного и, такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то она съ помощью дворника почти вынесла его на рукахъ изъ квартиры, посадила на извозчика и повезла его въ больницу.

Никто не замѣтилъ, какъ собачка выбѣжала за нимъ изъ комнаты, бросилась за извозчикомъ, бѣжала, бѣжала, но такъ какъ она была еще молодая, глупая собачка и дальше своей улицы прежде никогда не бѣгала, то скоро сбилась съ пути, потеряла изъ вида того извозчика, на которомъ везли больного старика, запуталась, чуть не попала подъ колеса какой-то кареты и, наконецъ, выбившись изъ силъ, подбѣжала къ какому-то забору, прижалась къ нему, подняла голову вверхъ и такъ жалобно завывала, какъ заплакалъ бы ребенокъ, если бы потерялся одинъ на улицѣ. На собачку никто не обратилъ вниманія; улица была какая-то пустая: ни магазиновъ, ни лавокъ, все огороды да заборы:—собачка забѣжала совсѣмъ на край города.

Съ тѣхъ поръ собачка стала ницья, она бродила по улицамъ, подбирала разные брошенные кусочки, спала, гдѣ придется, свернувшись калачикомъ; и холодно ей было, и голодно, и часто страшно, потому что есть злые люди, которые иногда ни съ того, ни съ сего идутъ, да и ударятъ ногой несчастную собаку. Сегодня особенно продрогла она, потому что ночью шелъ дождь; она прижалась у какого-то подъѣзда, гдѣ посуше, но все-таки всю ее насквозь промочило.

Вотъ какъ-то разъ бѣжала рыжая собачка и только что повернула за уголъ улицы, а ей навстрѣчу, изъ чайной, бѣжитъ мальчикъ и несетъ большой мѣдный чайникъ, полный кипятку. Столкнулись они,— чайникъ-то тяжелый, да полный, рука у мальчика дрогнула,— и цѣлая струя кипятку полилась на спину несчастной собачки. Завизжала она отъ боли и бросилась бѣжать.

Мальчикъ тоже вскрикнулъ, жаль ему было собаку, да ничего не подѣлаешь, надо было ему спѣшить въ ту лавку, гдѣ онъ служилъ на посылахъ; тамъ старшіе приказчики ждали его, чтобы заварить скорѣй себѣ чаю и напиться теплаго, потому что въ лавкѣ было холодно.

Побѣжала собачка и про голодъ забыла, — такая боль въ спинѣ; визжитъ она и, какъ у человѣка, у нея въ глазахъ слезы. Добѣжала она до моста Николаевского, хотѣла на ту сторону Невы бѣжать, — отъ боли не знаетъ, куда и броситься, — а на мосту народу много, ѣзда большая, испугалась она, да къ рѣшеткѣ у часовни Николая Чудотворца и прижалась, а сама вся трясется.

Въ это время по мосту ѣхала одна ба-рыня и захотѣла она у св. Николая Чудотворца свѣчку поставить; остановила она своего извозчика, велѣла себя подождать, вошла въ часовню, помолилась, поставила свѣчку и вышла; глядитъ, — а у са-

мыхъ ея ногъ собачка рыжая, да такая съ виду несчастная, мокрая вся, скорчилась. Жалко ей стало, да и мѣсто такое святое, а животное точно помощи просить, такъ и глядитъ въ глаза.

— Ахъ, ты, бѣдная! сказала дама и нагнулась, чтобы погладить ее по головѣ. — Ну, ступай за мной! — Собака поняла ее и пошла.

Барыня садится на извозчика, а собака туда-же, за ней, переднія лапы на подножку поставила.

— Ну, говоритъ барыня, — лѣзь, лѣзь ужъ, я возьму тебя съ собою.

Собака влѣзла и легла внизу въ дрожкахъ, а сама вся дрожитъ-дрожитъ...

— Вы что-же это, сударыня, — спрашиваетъ ее старичекъ-извозчикъ, — собаку-то взяли, своя, что-ли, пропадала у васъ да нашлась?

— Нѣтъ, — говоритъ барыня, — чужая она, да такая несчастная, голодна, видно, дрожитъ вся, я ее къ себѣ изъ жалости взяла.

— Хорошо, сударыня, сдѣлали, собака-то, видно, умная, вонъ она въ какое мѣсто пришла, къ св. Угоднику, а Онъ, видно, и скотъ милуетъ, вотъ вы на нее и натолкнулись.

Приѣхала барыня домой, и собака за нею по лѣстницѣ въ ея квартиру вошла, хвостомъ виляетъ, глазами радость показываетъ, что въ тепло ее взяли, а только какъ барыня или прислуга хотятъ ее по спинѣ погладить, визжитъ она и шерсть у нея мѣстами дыбомъ стояла. Позвала барыня ветеринара, доктора, который животныхъ лечитъ; тотъ посмотрѣлъ собаку и сказалъ: «ее кипяткомъ обварили, это очень больно и шерсть у нея на этомъ мѣстѣ вся вылѣзетъ»; — прописалъ мазь и велѣлъ ей спину натирать.

Собачка вылечилась; шерсть, какъ сказалъ докторъ, у нея мѣстами вылѣзла; только кипятку попало, къ счастью, ей немного, а такъ какъ вся шерсть у нея была густая да волнистая, то и обваренная узкая полоска почти стала незамѣтною. Выросла собачка, потолстѣла, потому что теперь ее хорошо кормили, веселая стала, а такъ какъ она рыжая была и съ острой мордочкой, то назвала ее барыня «fox», что по англійски значитъ лисица.

Такъ полюбилъ Фоксъ свою барыню, что все въ глаза ей глядитъ, спитъ на коврѣ у ея ногъ, и, если барыни нѣтъ дома, ни за что не станетъ ѣсть, а все лежитъ у постели или на подоконникѣ окна сидитъ и смотритъ на улицу. Фоксъ далеко видитъ свою барыню и издалека слышитъ ея шаги, сейчасъ начнетъ лаять, прыгать, визжать отъ

радости и ужъ не знаетъ, чѣмъ только проявить ей свою благодар-
ность, свою любовь.

У барыни, въ квартирѣ которой поселился Фоксъ, было всего четыре комнаты, двѣ комнаты выходили окнами на улицу, а двѣ во дворъ. Во дворъ иногда приходили разные музыканты, кто съ арфой, кто съ шарманкой, кто со скрипкой. Какъ только во дворѣ заиграетъ музыка, прибѣгутъ дѣти со всѣхъ сторонъ, изъ разныхъ квартиръ, а иногда и изъ разныхъ дворовъ.

Дѣти все бѣдныхъ людей, которые живутъ на чердакахъ, въ подвалахъ, имъ всегда очень хочется слушать музыку. Вмѣстѣ съ дѣтьми къ музыкѣ бѣгутъ и собаки. Собаки не любятъ музыки, — почему — я не знаю, а только многія изъ нихъ начинаютъ лаять и визжать, какъ только ее услышатъ.

Фоксъ тоже, какъ слышитъ шарманку или другой инструментъ, сейчасъ кинется къ двери, лапами царапаетъ, просится, а выпустятъ его, побѣжитъ на дворъ, сядетъ противъ музыканта и давай лаять; лааетъ, не переставая, ребятишки смѣются, думаютъ, что собака подъ музыку пѣть хочетъ, музыканты иногда сердятся, потому что она ихъ оглушаетъ своимъ лаемъ. Разъ на дворъ пришелъ шарманщикъ, а съ нимъ маленькая собачка; принесъ онъ ее на дворъ, держа на шарманкѣ, а потомъ спустилъ на землю. Дѣти всѣ, какъ увидѣли ее, такъ и расхохотались: на собачкѣ было одѣто розовое платье, а изъ-подъ него, смѣшно такъ, торчалъ сзади хвостъ; на головѣ у собачки была соломенная шляпа, ленты отъ нея завязаны подъ мордочкой, а наверху въ шляпѣ перо.

Шарманщикъ заигралъ какой-то вальсъ, собачка начала танцовать, только бѣдная была не весела; у нея болѣла одна задняя лапка и она все припадала на нее и садилась, а сердитый шарманщикъ въ то время, какъ лѣвой рукой вертѣлъ ручку шарманки, правой вынулъ изъ кармана хлыстъ и два раза ударилъ имъ бѣдную больную собачку.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ мучить бѣдную собачку, — сказалъ какой-то господинъ, проходя по двору, — вотъ я отниму ее у тебя и отдамъ въ лечебницу животныхъ, гдѣ заставлю тебя платить за нее, потому что она помогаетъ тебѣ зарабатывать деньги.

Шарманщикъ, услышавъ это, еще больше разсердился, подобралъ деньги, которыя бросали ему изъ оконъ и давали проходившіе по двору, и хотѣлъ уже уходить, какъ въ это время во дворъ вбѣжалъ Фоксъ,

увидѣлъ собачку въ платьѣ да въ шляпѣ, бросился къ ней, понюхаль ее, сѣлъ на заднія лапки и залился лаемъ. Никогда онъ не видѣлъ, чтобы собаки носили шляпы да платья. Шарманщикъ нагнулся, хотѣлъ поднять свою собаченку, которая совсѣмъ устала отъ танцевъ и теперь почти лежала на землѣ, а Фоксъ бросился на него и такъ оскалилъ зубы, что музыкантъ даже испугался и отступилъ, а Фоксъ схватилъ несчастную собачку за юбку ея платья и потащилъ за собой. Собачка, вѣрно, поняла, что такъ надо, и на трехъ ногахъ побѣжала за нимъ, прямо черезъ дворъ на лѣстницу и къ той двери, гдѣ жила добрая барыня. — Фоксъ сталъ лаять и царапаться въ дверь. Прислуга отворила и ужасно удивилась, увидавъ вторую собачку въ платьѣ и шляпѣ.

— Смотрите, — говоритъ она барынѣ, — смотрите, какую гостью Фоксъ нашъ привелъ!

Барыня вышла въ прихожую, а тамъ стоятъ двѣ собаки: Фоксъ, да съ такимъ видомъ, точно просить барыню, чтобы она приняла новую собачку, визжитъ такъ жалобно, бросается къ своей хозяйкѣ, руки ей лижетъ, а маленькая собачка прижалась въ уголъ и стоитъ на заднихъ лапкахъ, дрожитъ, шляпа ея съѣхала на правое ухо, даже перомъ закрыла ей одинъ глазъ; юбка на боку и изъ-подъ нея только хвостикъ виляетъ.

— Ахъ, ты, бѣдная крошка, кто это такъ надъ тобой подсмѣялся, — такъ одѣлъ тебя? — сказала барыня, взяла ее на руки, а та и завизжала, потому что кожа на ея ножкѣ была вся ободрана и ей, вѣрно, было очень больно.

Въ это время въ кухню вошелъ шарманщикъ: ему кто-то указалъ, куда побѣжала его собачка; онъ сердился и кричалъ, чтобы ему ее отдали. Фоксъ услыхалъ его голосъ и такъ разсердился, что его надо было запереть въ другую комнату, чтобы онъ не укусилъ музыканта. Барыня вышла въ кухню съ собачкой на рукахъ.

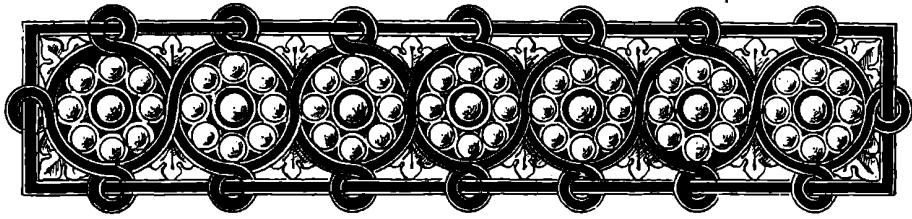
— Послушай, — сказала она шарманщику, — продай мнѣ твою собачку, она больна у тебя, посмотри, какъ она дрожитъ и у нея ножка чуть ли не сломана.

— Знаю я это, — говоритъ шарманщикъ, — она совсѣмъ танцевать не можетъ, вездѣ на дворахъ на меня сердятся за нее, а что-же мнѣ дѣлать, я не могу ее лѣчить, а если брошу на улицѣ, вѣдь ей же хуже — она съ голоду пропадетъ.

Сговори́лась барыня съ музыкантомъ и заплатила ему за собачку пять рублей, отдала ему и ея платье, и шляпу съ перомъ. Позвали Фокса, а тотъ новой собачкѣ лапку лижетъ, точно хочетъ ее залѣчить. Собачка была тоже рыженькая, ее назвала барыня «Fuchs», что по нѣмецки означаетъ тоже — лисичка. Перевязали ей лапку, накормили ее, напоили, и стала она жить съ Фоксомъ.

Собачка была очень смѣшная, она долго думала, что должна ходить на заднихъ лапкахъ и танцовать вальсъ. Захочетъ ѣсть, пить или гулять, сейчасъ и начнетъ танцовать, а Фоксъ этого не любилъ, онъ не понималъ ея штукъ и сейчасъ залаетъ, схватитъ ее за шиворотъ и пригнетъ къ землѣ, чтобы она ходила на всѣхъ четырехъ лапкахъ, какъ всѣ собаки. Лапка у Фукса зажила, а затѣмъ, такъ какъ ее хорошо кормили, чисто держали и не били, перестала она ходить на заднихъ лапкахъ и танцовать перестала, потому что, конечно, все это ей было очень трудно продѣлывать и не доставляло никакого удовольствія, она гораздо больше любила попросту играть и возиться съ Фоксомъ. Всѣ, кто зналъ Фокса, удивлялись, что онъ такъ уменъ: помня хорошо, какъ его взяла къ себѣ барыня и вылѣчила, онъ привелъ къ ней и эту несчастную больную собачку. Барыня была одинокая, у нея не было ни дѣтей, ни внуковъ, и она рада была, что могла сдѣлать добро хоть двумъ собачкамъ, пріютить ихъ у себя и вылѣчить, а собачки-то какъ были счастливы и какъ любили свою барыню!

СЕРЕЖА.

Сережѣ было уже четыре года, а онѣ не только еще не ходилъ, но даже и не становился на ножки. Онѣ и говорилъ очень мало — всего нѣсколько словъ: мама, дай, амъ, тпру; за то плакалъ онѣ очень много, по цѣлымъ часамъ, только на это никто не обращалъ вниманія и не потому, чтобы кругомъ него были злые люди, а потому, что у всѣхъ было очень много своего дѣла.

Отецъ Сережи уже давно нанялся въ работники къ какому-то купцу, у котораго были свои барки, и ушелъ съ нимъ далеко-далеко, да и не возвратился.

Мать Сережи, Ульяна, была прачка и такая бѣдная, что она не могла нанять себѣ даже комнаты, а жила въ углу, а такъ какъ въ каждой комнатѣ четыре угла, то въ той комнатѣ, гдѣ она жила, было четверо жильцовъ, и всѣ были такіе-же бѣдные, какъ Ульяна, и всѣ также съ утра уходили на работу, такъ что Сережа въ этой комнатѣ оставался иногда совершенно одинъ. Передъ тѣмъ какъ уйти, мать сажала его въ уголъ на какую-нибудь подстилку, задвигала большимъ ящикомъ для того, чтобы онѣ не уползъ на лѣстницу и не упалъ бы внизъ по ступенямъ. На ящикѣ она ему ставила чашку съ гречневой кашей и такую-же чашечку съ водой, клала деревянную круглую ложку.

Сережа ѣлъ и пилъ, какъ умѣлъ; иногда онѣ опрокидывалъ все это и тогда кричалъ отъ голода, но никто его не слышалъ, пока не возвращался кто-нибудь изъ жильцовъ комнаты домой съ работы.

Такъ жилъ бѣдный Сережа. Мать его любила, жалѣла, по субботамъ носила его въ баню. На послѣднія копейки покупала ему иногда пряникъ или какую-нибудь свистульку, глиняную уточку, съ дырочкой въ хвостѣ, въ которую можно свистѣть. Другихъ игрушекъ у него не было.

Но вотъ какъ-то зимою наступили очень холодные дни. У Ульяны не было шубы, бѣгала она въ большомъ платкѣ, а платокъ былъ дырявый и тепла въ немъ тоже было немного. Она весь день стирала въ прачешной, ей было жарко, а потомъ она пошла вѣшать бѣлье на чердакъ; тамъ было очень холодно, чердаки, вѣдь, не топятъ, а напротивъ, въ нихъ открываютъ окна, чтобы всегда былъ вѣтеръ и просушивалъ бѣлье, которое тамъ вѣшаютъ. Такъ и теперь: окна были

открыты, вѣтеръ дулъ холодный, и Ульяна сильно прозябла. Она вернулась въ свой уголъ, легла, да и не могла уже встать; сосѣдки видятъ, что она очень больна, окутали ее, посадили на извозчика и увезли въ больницу; тамъ ее положили на кровать и стали лѣчить, а у нея голова такъ болѣла, такъ болѣла, что она даже и о Сережѣ не помнила. Остался Сережа совсѣмъ одинъ. Собрались кругомъ него всѣ жильцы и спрашиваютъ другъ друга:

«Куда же теперь намъ дѣвать мальчика? Это, вѣдь, не собачка, на улицу не выгонишь! Кто-же о немъ заботиться будетъ?» А хозяйка той комнаты говоритъ: «я бѣдная, мнѣ надо, чтобы въ каждомъ углу кто-нибудь жилъ и мнѣ платилъ деньги. Придетъ теперь кто-нибудь и станетъ жить въ томъ углу,

